

ОПЫТЫ ОТКРЫТИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ

«Оборотни не должны быть смешиваемы с упырями, хотя те и другие вредны. Оборотнями называются люди, превращающиеся в животных, обыкновенно нечистых; упыри же, сохраняя человеческий вид, сосут кровь из незащищенных людей. Против оборотня достаточно зачураться; против упырей столь легкое средство недостаточно; от них можно избавиться не иначе, как...» и т. д.

Сказания русского народа»

*И. Сахарова*¹.

При отменной остроте ума, я обогатил умственную и материальную жизнь рода человеческого многими важными открытиями. Но, по несчастной судьбе моей, всегда оказывалось, что в каждом сделанном мною изобретении уже предупредил меня кто-нибудь другой. Человечество нимало не теряло от этого рокового для меня обстоятельства; людям было даже гораздо выгоднее, что ход усовершенствований подвигался вперед, не дожидаясь моей изобретательности. Но каково было видеть мне себя лишаящимся признательности и славы, какими награждаются благодетели рода человеческого и творцы новых эпох в науках? Каково было видеть мне, что предвосхищен кем-нибудь каждый из бесчисленных лавровых венков, заслуженных мною? От этого развилась во мне хандра. По природе человек веселый, я с утра до ночи хохочу: самые угрюмые люди увлекаются заразительным, добродушным моим смехом. Меня даже не впускают в те семейства, где есть грудные малютки, ибо раскаты моего смеха не дают им спать, и трое младенцев уже подверглись падучей болезни, будучи внезапно пробуждены громогласными взрывами моей веселости. Но не знают люди, что рак скорби пожирает сердце мнимого весельчака. Я мучусь день и ночь вышеупомянутым убийственным обстоятельством.

Ряд предвосхищений моей славы начался с самой ранней юности, когда я открыл металлический термометр; через три ме-

сяца я прочел [в прекрасном руководстве к физике, г. Ленца], что это изобретение гораздо раньше меня сделал Брегет². Я проклял злонамеренного часовщика, сунувшегося не в свое дело, как будто нарочно с целью напакостить мне. [Упомянув имя г. Ленца, отступаю от хронологического порядка, чтобы пожаловаться также и на нашего знаменитого электро-магнитиста. Он сыграл со мной штуку точь-в-точь такую же, как Брегет: в прошлое воскресенье неимоверным напряжением мысли я открыл, что особы женского пола, бывавшие когда-либо на университетских лекциях, все принадлежат к презреннейшему разряду женщин и что никогда нога честной девушки или женщины не вступала в здешнее святилище наук. Но едва я высказал это открытие в кругу знакомых, как они хором отвечали мне, что та же самая мысль официально выражена почтенным академиком, бывшим деканом, много раз исправлявшим должность ректора С.-Петербургского университета, г. Ленцем³. Отдавая должную честь благородству и смелости заслуженного заштатного профессора, — да и как не отдал бы я справедливости ему, когда сам по опыту знаю, какая редкая сообразительность, какая высокая правдивость и какое меднолобое бесстыдство нужно для произнесения подобных слов, — отдавая полную справедливость замечательным качествам ума и сердца знаменитого естествознателя, не могу с тем вместе не восхвалить и образцовую терпимость нашего общества к ученому старцу. Я был не так счастлив и в этом отношении. Едва я высказал мысль, сходную с его открытием, как подвергся неприятностям от моих собеседников и теперь веду жизнь анахорета, потому что все мои знакомые отказали мне от дома. Я готов страдать за правду; но почему же так несправедлива судьба, что я один своим лицом почувствовал невыгодные последствия сделанного мною вместе с г. Ленцем открытия? Игра судьбы, поистине, беспримерная! На университетских лекциях бывали сотни дам и девиц. У каждой из них есть родственники, которым, вероятно, не показались же безобидными слова почтенного академика... Но высокая терпимость удержала их. Говорите после этого, что нет у нас свободы мнений!

Возвращаясь к рассказу о моих открытиях в хронологическом порядке.]

По изобретении металлического термометра я обратил свою мысль от физики к математике и открыл Ньютонов бином; но через две недели узнал, что открытый мною бином есть Ньютон. Занявшись через несколько времени русскою историею, я открыл гениальность и благотворность в действиях Иоанна IV Васильевича, а потом, размыслив о политической экономии, постиг необходимость не допускать привоза машин из-за границы в Россию. Но оказалось, что первое открытие предвосхищено у меня знаменитым нашим историком г. Соловьевым⁴, а второе отпечатано в журнале, редактором которого был глубоко уважае-

мый мною Иван Кондратьевич Бабст, также профессор Московского университета. С ними обоими сходилась я в мыслях неоднократно⁵. [В особенности согласен я с ними, что студенты Московского университета — буйные мальчики, которых надобно сечь.]⁶ Тревожит меня только то, что я не уверен — разделяют ли мнение мое, г. Соловьева и г. Бабста, во всей [выраженною мною] силе его, молодые ученые профессора Московского университета, г. Ф. Дмитриев и г. Чичерин? В г. Леонтьеве⁷ я уверен; но достигла ли молодая пара той определительности последнего вывода, какую гордимся мы, ученые вполне зрелые (я, г. Соловьев и г. Бабст)? Принцип г. Чичерина основателен: наука сама по себе, жизнь сама по себе, и науке нет до нее дела⁸. Из этого, конечно, следует, что если не только учащегося юношу, но хотя бы и вполне ученого мужа стали мы сечь, это нимало не помешало бы его успехам в науках: ведь сечение — дело жизни, а не науки, и розга нимало не прикасается к благородным, скрытым под черепом органам, которыми познается научная истина: ученый, разделяющий принципы гг. Ф. Дмитриева и Чичерина, может безмятежно мыслить о *leges barbarorum** и областных учреждениях [в то время, когда его порют]⁹. Так, я льщу себя надеждой, что г. Ф. Дмитриев увлечет за собою к этому положению своих друзей английского московского клуба¹⁰, а г. Чичерин примет его среди аудитории. Но я только льщу себя надеждой, а полной уверенности у меня еще нет.

Мои открытия не ограничивались общими научными истинами: я глубоко прозревал и конкретные факты. Например, при появлении «Очерков Англии и Франции» г. Чичерина я прозрел философским взором, что молодой ученый скоро будет понимать обязанности полицейского служителя в совершенстве, какого не достигают сами полицейские чиновники. Но и это открытие предвосхитил у меня некто¹¹, написавший еще в 1859 году:

«Г-н Чичерин не замедлит сделаться мертвым схоластиком и будет философскими построениями доказывать историческую необходимость каждого предписания земской полиции, сообразно теории беспристрастия. Потом историческая необходимость может обратиться у него и в разумность» («Соврем.[енник]», 1859 г. № 5. Критика, стр. 58).

Я мог бы бесконечно продолжать перечень открытий, предвосхищенных у меня отчасти современниками, отчасти предками. Чтобы говорить только о современниках, скажу, что, кроме одного только человека, — которого я за то и любил, — кроме Конрада Лилиеншвагера¹², не было ни одного известного писателя, который не предвосхитил бы у меня каких-нибудь хорошеньких мыслей. Например:

* Законы в древнем Риме для иностранцев, не пользовавшихся правами римского гражданства.

Имя предвосхитившего. Предвосхищенная им у меня мысль.

- Г. Альбертини.....Письмо из Турина, напечатанное в № 3
«Совр[еменника]» 1861 г., проникнуто ненави-
стью [к свободе] и пропитано гнусным обску-
рантизмом, унижающимся до омерзительной
клеветы ¹³.
- Г. Ив. Аксаков.....Безумные поляки... ¹⁴ Нам не нужно суда
присяжных.
- [Г. Бестужев-Рюмин... ..В «Полемических красотах» г. Чернышев-
ского нет ни одного слова правды.] ¹⁵
- Г. Громека.....Благоразумный человек может желать
только того, чтобы наказание невинному было
уменьшено, а не того, чтобы он был признан
невинным ¹⁶.
- Г. Буслаев.....Суеверие полезно ¹⁷.
- Г. Дудышкин.....Кто пишет ясно, тот плохой писатель ¹⁸.
- Г. Леонтьев.....Рим погиб от того, что плебеи имели зем-
лю; мужику земля не нужна ¹⁹.
- Г. Катков.....С учащегося надобно брать штраф за то,
что он учится ²⁰.
- [Г. В. Ржевский.....Надобно заботиться о средствах к уве-
личению пролетариата.] ²¹
- Г. Н. Костомаров.....Не должно подчиняться деспотизму
уличной толпы ²².
- [Г. Погодин.....Вот вам, православные, красное яичко.] ²³
- Г. Кавелин.....Буду сотрудником «Нашего Времени»,
издаваемого Н. Ф. Павловым ²⁴.
- Г. Чернышевский.....Сталь состоит из железа с примесью кис-
лорода ²⁵.
- Гг. Достоевские.....Мы оторвались от почвы ²⁶.
- Г. Лонгинов.....Белинский принес больше вреда, чем
пользы ²⁷.

Остановлюсь. В другой раз dokonчу этот едва начатый спи-
сок. Тогда покажу в десять раз больше имен и против каждого
человека выставлю по десятку и больше мыслей, предвосхищен-
ных им у меня. Теперь довольно данных приведено для моей це-
ли. Цель состоит в том, чтобы объяснить публике причину, за-
ставившую меня приняться за дело, объясняемое далее.

Убеждаясь десятками и сотнями опытов, что напрасно мне
самому добиваться славы изобретателя хороших мыслей, что
всякий раз всякое мое открытие будет предвосхищаемо другим,
но с тем вместе пламеня желанием приносить моему отечеству
пользу и честь благами изобретениями и усматривая в то же
время, сколь многие такие изобретения, проходя незамеченными,
остаются неприносящими надлежащего блага, я посвящаю себя
бескорыстной заботе о доставлении хотя другим изобретателям

той заслуженной известности, которой столь долго и напрасно искал я для себя. Судьба не позволяет мне разделять прекрасную репутацию г. Бабста, [г. Ленца,] г. Чичерина; попробую искать хвалы более скромной, но все-таки приятной; пусть скажут обо мне: «Лишенный злым роком всякого случая блистать собственным талантом, он по крайней мере раскрывал своему милому отечеству глаза, чтобы восхищалось оно блеском талантов в других»; хочу, чтобы мог я сказать о себе, подражая певцу Руслана и Людмилы:

И долго буду я народу тем любезен,
Что мысли дивные в писаках открывал,
Что ловкостью живых намеков был полезен
И низость чувств изобличал²⁸.

Итак, идем на поиск.

[На ловца зверь бежит! Да что один зверь: десятки, сотни зверей, — то самого утомительного, то самого отвратительного вида. И какие занимательные свойства обнаруживаются в этих милых передовых сынах нашего любезного отечества! Сами гг. Катков, Леонтьев и Дудышкин, так хорошо познакомившиеся, при помощи г. Юркевича²⁹, с книгами Льюиса, рассказывающими такие занимательные вещи о жизни кур, лягушек и тритонов с вырезанным мозгом, — сами они не поверят возможности каким бы то ни было существам жить и действовать с таким малым запасом мозга, какой оказался достаточен для некоторых замечательных российских деятелей, продолжающих себе здравствовать, даже рассуждать, даже писать, даже стараться приобрести посильное влияние на устройство судьбы любезного отечества³⁰.

Какие великолепные подвиги, какие чудные изобретения открываются нашему взору!

Вот, например, прения об университетском вопросе³¹.

И было все глухо во мгле подо мной
В убийственном сумраке там;
Все спало для слуха в той бездне немой;
Но виделось страшно очам,
Как двигались там безобразные груди
Уродов морских несказанные чуды.

Я видел, как в черной пучине кипят,
В громадный свиваясь клуб,
И млат водяной, и уродливый скат,
И ужас морей — однозуб,
И смертью грозил мне, зубами сверкая,
Мокой * ненасытный, гиена морская³².

А Московский университет! О, как я хвалю состав московского университетского совета, все ученые члены которого (за

* Рыба — морской волк, род акулы. — Ред.

исключением только двух человек чуть ли не из целой полсотни) явились достойными сотоварищами г. Чичерина и вместе с ним учили неповоротливую полицию исполнять ее долг, пробуждали ее зоркость, объясняли ей необходимость спасать погибающий первопрестольный град ³³, — о, совет Московского университета! ты достоин сохранения своих корпоративных привилегий! О каждом из твоих сочленов, за исключением только двух отщепенцев ³⁴, надобно сказать словами поэта:

Аще мир сокрушен распадется,
Сей муж николи ж содрагнется ³⁵.

Говорите такому мужу о стыде, — он будет только глазами хлопать.

Благуя часть избрал себе г. Стасюлевич! Он защищал привилегии достойных корпораций.

Но г. Чичерин, как человек молодой, далеко превзошел высоким парением мыслей и широтою взгляда обоих петербургских рыцарей.

Odi profanum vulgus et arceo:
Favete linguis ³⁶, —

восклицает он, или в русском переводе г. Леонтьева:

«Терпеть не могу вас, буяны, осмеливающиеся судить о профессорах (*odi profanum vulgus*)! Я вас всех в квартал отправлю (*et arceo*)! Молчать! (*favete linguis*)» ³⁷.

Истины, изрекаемые г. Чичериным, были так возвышенны и убедительны, что не мог никто оспаривать его: он и не желал, чтобы никто не мог спорить с ним; но, по сущности дела, никто не мог итти на состязание, к которому он вызывал ³⁸.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает.
Трижды громкий клич проклинал он,
А никто и с места не тронулся,
Лишь стоят да друг дружку подталкивают ³⁹.

Г-н Чичерин был когда-то западником, быть может и теперь им остается, — а все-таки в нем истинно русопетская удаль:

Исполать тебе, детинушка,
Что ты речь держал свою по совести;
Мы за то тебя, детинушку, пожулем, —

как пожулем, это, конечно, подсказывает г. Чичерину собственное сердце: г. Леонтьев поднесет ему *согонам civilem pro urbe salvata**; все благонамеренные люди протянут ему руки и предложат сделать для него все, что могут; все неблагонамеренные люди уже по-

* Почетный венец за освобождение города. — Ред.

вернулись к нему спиной, но какое ему дело до этого последнего обстоятельства?

Пускай толпа клеймит презрением
Наш неразгаданный союз ⁴⁰, —

скажет ему кто-нибудь, находящийся в его речи отголосок своих мыслей, оправдание своих действий: «Ты за все будешь награжден добрым моим мнением о тебе». Конечно, не век же станут молчать о тебе, — заговорят о тебе тоном, какого ты должен был ждать; но

Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову сходя,
И будет для тебя позором
Речь тупоумная твоя ⁴¹, —

тогда не унывай,

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной, —

и приди,

Приди в чертог ко мне златой,
Приди, Чичерин дорогой ⁴².

Г-н Чичерин говорил так убедительно, понимал вопрос так глубоко, что, читая речь его, благонамеренный человек совершенно соглашался с ним; но точно так же тот же самый благонамеренный человек соглашался и с г. Стасюлевичем, когда читал статьи г. Стасюлевича, и с г. Костомаровым, когда читал статьи его. Уже из этого можно было видеть, что каждый из трех красноречивых профессоров обнял своею мыслью только часть истины и что нужен труд нового многообъемлющего ума для формулирования общественной мысли об университетах, во всей ее всесторонней жизненности; что или г. Жеребцов ⁴³, или г. Даль, или кто-нибудь из двух гг. Безобразовых возьмется довершить дело, начатое достойным каждого из поименованных публицистов. Но они были заняты каждый своими делами: г. В. П. Безобразов, устроитель земских банков, писал письма из деревни ⁴⁴, о которых сам откровенно замечал, что они изображают крестьянский вопрос в слишком розовом свете ⁴⁵. Господа Н. Безобразов и Жеребцов готовили речи к московским дворянским выборам ⁴⁶; г. Даль читал корректуры своего словаря ⁴⁷; никто из них не имел времени для писания статей об университетском вопросе. Мы приходили в отчаяние, не надеясь, чтобы кто-нибудь мог заменить этих мыслителей. Но заговорила «Современная летопись Русского вестника», и — мы утешились ⁴⁸. Она возвела к единству разноречащие мнения трех профессоров, взяв от каждого из них все безусловно прекрасное. С г. Костомаровым согласилась она, что Санкт-Петербургский университет надобно соединить с Академиею наук ⁴⁹; с г. Стасюлевичем — в том, что прежние профессорские корпорации превосходны; с г. Чичериным — в том, что университеты должны быть совершенно чужды жизни; но справедливо выставила она, что важнее всего тут уста-

новить солидный налог на просвещение; отбросив слишком оригинальную, придуманную г. Костомаровым форму взимать этот налог посредством ключей, она сосредоточила свое внимание на существе дела, на необходимости взимать налог, и доказала ее самым блистательным образом. Да ведь и правда, как не брать налога с учащихся? Во-первых, у кого нет денег, тому не следует учиться; во-вторых, во Франции, Англии, Германии, Италии берется плата за слушание лекций и за дипломы на степени. Как же не быть налогу на ученье у нас? В налоге находится лучшее средство примирить все разномыслия: г. Костомарову хочется уничтожить корпорации, г. Стасюлевичу — сохранить их. Установим налог надлежащей высоты, — тогда в университете не будет студентов, следовательно, не будет университета, то есть не будет и университетской корпорации; желание г. Костомарова удовлетворится. Но не будет университета только на факте, а на бумаге он может существовать и сохранять корпоративное устройство; следовательно, будет удовлетворен и г. Стасюлевич. Что же до г. Чичерина, он, очевидно, будет удовлетворен вполне: когда не будет никакой жизни в университете, то, разумеется, будет устранена всякая возможность соприкосновения науки в университете с жизнью.

Сколько мы сделали открытий по одному университетскому делу! Припомним главнейшие:

1) Всякая жизнь должна быть изгнана из университетов (г. Чичерин).

2) Надобно существовать налогу на ученье («Современная летопись»).

3) Налог этот надобно взимать посредством ключей (г. Костомаров).

4) С.-Петербургский университет должен принять в себя прекрасные элементы Академии наук (мысль г. Костомарова, совершенно сходная, однако, с мыслью г. Чичерина. См. № 1).

5) Профессора должны составлять касту (г. Стасюлевич).

Какое удивительное умение отыскать существенные стороны вопроса и найти просвещенное решение для него!

Но кроме пяти прекрасных открытий, сделанных нами по университетскому вопросу, есть у нас все по тому же вопросу еще шестое открытие, или, точнее сказать, находка: одному из наших друзей удалось отыскать в ящике у одного из здешних студентов следующий отрывок:

«Август, 1861.

Больше половины моих товарищей не имеют гроша за душою. Они бьются, как рыба об лед; многие из них по целым неделям не пьют чаю, не имеют табаку. Требовать деньги с этих людей за ученье! Боже, да лучше бы велели им выкалывать по одному глазу — ведь они стали бы только кривыми, а теперь хотят, чтобы они были слепыми. Говорят, что в наши времена нет чудес и мало мучеников. Из 1300 студентов здешнего университета около

1000 человек — мученики своего стремления образоваться, стать порядочными людьми. Они не умирают с голоду, они успевают достигать своей цели — образования; это ли вы не назовете чудом? Их считают людьми беспокойными и опасными. Разумеется, вещь невозможная, чтобы молодые люди были так осторожны в словах, как их мудрые порицатели. Но зачем же добиваются этой невозможности? Дело решается просто: запретите людям быть молодыми; прикажите, чтобы за детством следовала не юность, а прямая старость. А если это трудно, можете принять меру менее затруднительную: запретите людям учиться более 15-летнего или 12-летнего возраста; тогда у вас не будет беспокойной учащейся молодежи. Впрочем, этот второй способ решения уничтожит только учащуюся беспокойную молодежь, а не уничтожит он беспокойную молодежь. Люди остывают с годами, а в молодости люди всегда горячи, учатся в университете или вовсе нигде не учатся, называются ли студентами, или кадетами, или прапорщиками, все равно, они благородны и неопытны, потому во всяком случае будут склонны к увлечениям. Решайте же, нужны ли вам образованные люди или нет; если не нужны, вы будете иметь буйную, грубую молодежь, которая станет делать вам гораздо больше беспокойства, чем когда-нибудь могли или могут сделать студенты. Если же вы не в состоянии обойтись без образованных людей, в таком случае рассудите, что образовываться люди должны в молодости, а молодые люди — всегда молодые люди.

Говорят, что мы поступаем слишком неосторожно. Но разве мы сами желаем быть неосторожными? У нас нет опытности; но мы были бы рады выслушивать советы людей, более нас живших на свете. Никто не берет на себя обязанности быть нашим другом и советником. Мы покинуты всеми старшими нас на произвол судьбы. Что ж, мы понимаем, отчего никто не хочет входить в наш круг, обдумывать вместе с нами наши нужды и желания. Каждый боится компрометировать себя сношениями с нами. Да и как не бояться при окружающей нас подозрительности? Ведь у многих из нас вовсе нет привычки быть молчаливыми; тотчас разойдутся по городу толки о всяких пустяках, каждое слово будет преувеличено, и тот, кто вошел в наш круг затем, чтобы сдерживать и успокоивать нас, прослышет подстрекателем, а нас, сближавшихся с ним из потребности искать благоразумных и умеренных советов, назовут его сообщниками и припишут бог знает какие замыслы ему и нам. При таком взгляде подозрительных, при силе их вредить подозреваемым, конечно, каждый благоразумный и осторожный человек должен избегать сближения с нами. Не говоря о посторонних людях, такой системы держатся даже наши профессора. Я их не виню; но из этого могут произойти серьезные неприятности им, нам, да и многим другим. Я, впрочем, не разделяю всеобщего сожаления моих товарищей о недостатке близких отношений между нами и профессорами. Студенты, приезжающие из Москвы

и других университетов, говорят, что в нашем составе профессорского сословия лучше, чем в других местах. Оно правда, между нашими профессорами целая половина — люди хорошие, по крайней мере не обскуранты. Но присматривался я к ним: нет ни одного, который мог бы иметь прочное влияние на студентов, если б и захотел добиваться его, а не бегал от нас. Человека три-четыре, правда, пользуются некоторым авторитетом между нами. Но ведь это потому, что они толкуют с нами только об отвлеченных ученых предметах. В этих вещах они, точно, знатоки своего дела. Но войти в нашу жизнь, сочувствовать нашим интересам, заслужить наше доверие в жизненных наших делах никто из них не сумел бы. Они отвыкли понимать молодежь, долго бывши принуждены сторониться от нее. Живая связь могла бы у нас быть скорее с некоторыми из людей, чуждых университету⁵⁰. Но те уже положительно подвергали бы себя опасностям, если бы захотели сойтись с нами.

А как легко было бы успокоиться насчет наших будто бы опасных мыслей, если бы перестали мешать своими подозрениями сближению нас с людьми, которых могли бы мы уважать. Ведь мы, наконец, не бешеные же звери. Мы могли бы понять, что возможно и что невозможно, если бы стали говорить с нами об этом люди, отрезвленные житейским опытом. Но теперь мы покинуты всеми, и наша беспомощная неопытность может наделать напрасных бед нам и тревог другим.

Хотя бы, по крайней мере, оставили нас в покое, не раздражали нас совершенно ненужными грубостями; хотя бы, по крайней мере, не мешали нам учиться. Сами мы никогда не поднимем шума. Но нас язвят, обижают, обманывают, — наша честность возмущается коварством... И нет никого, кто поговорил бы с нами прямо и честно... До чего же, наконец, доведут нас?»

Прочитав этот отрывок, я просветлел надеждою, что вот, наконец, удастся мне поступить с другим так, как поступили со мною Ньютон, г. Ленц, г. Соловьев и другие (см. выше): предвосхитить открытие и получить награду. Я даже унился до коварства: с притворным пренебрежением сказал я моему другу, нашедшему эту бумагу в чужом ящике, что прочитанный мною листок — вздор, который надобно бросить, — и бросил; потом тайком поднял с мыслью: объявлю, что открыл этот листок я (некто из неопытных юношей качает головой, думая про меня: «Однакоже, хорош гусь! имеет друзей, которые лазят по чужим ящикам, и сам, повидимому, не прочь от этого»). Что ж, я не стыжусь того, что готов на все для блага отечества.

Но что ж? — О, горькая участь! понес я приобретенный листок к кому следует*; она особа**, прочитав доставленный мною

* Здесь должно разуметь: в редакцию какого-либо журнала.

** Следует разуметь: заведующая означенным журналом.

документу, сказала, что открытия никакого тут нет, потому что весь город уже говорит то самое, что написано в моем листке, и что награды мне никакой не будет. Итак, опять неудача в открытии!

О, нет же, злая судьба, ты не одолеешь! Я выйду победителем из борьбы с тобою! Из самой неудачи извлеку я удачу; на основании открытия, оказавшегося вовсе не открытием, построю другое открытие, которое уже непременно будет новостью. Вот оно.]

[Седьмое и] окончательное открытие по университетскому вопросу, никем у меня не предвосхищенное.

Об университетском вопросе напечатано было в течение четырех последних месяцев 4444 статьи⁵¹; ни одна из них даже и не упомянула о существенной стороне дела⁵², о которой толковали 500 000 человек в Петербурге, 400 000 в Москве, 75 000 в Одессе, 70 000 человек в Саратове и т. д. (см. список городов Российской империи в «Месяцеслове» на 1862 г.).

Вот так открытие! Сплетайте мне венок из того самого лаврового листа, который продается в овощной лавке Бабикова (на Литейной, близ Невского) и из которого был сплетен венок, недавно возложенный на юную главу г. А. Майкова!⁵³

— Грозное видение! Кто ты и чего от меня хочешь? — вопрошаю я в трепете, видя представшее предо мной существо, форму которого не мог я рассмотреть от страха.

— Ты ошибаешься, — отвечала мне тень: — я не имею формы, тебя страшщей; я не более, не менее, как душа г. Лонгинова (пользующегося, впрочем, добрым здоровьем); он спит теперь, и я воспользовалась свободными часами, чтобы прогуляться, — и вот явилась пред тобою, чтобы уличить тебя в грубом невежестве, происходящем от незнакомства с трудами твоих предшественников в русской литературе. Возьми и читай.

Тень подала мне книгу, я прочел:

«Вы радуетесь на вашу литературу, будто бы она в самом деле занимается чем-нибудь полезным: желаю вам радоваться. Какую пользу можно извлечь из ваших смутных рассуждений, искажающих до микроскопического размера все, чего касается ваша речь? Одно тут может быть влияние: мельчают понятия, мельчают и надежды тех, кто вздумает искать в ваших рассуждениях ответа на занимающие его вопросы. — Если говорить правду, люди, довольные нашею литературою, не имеют понятия о том, что такое литература, достойная этого имени. — Кто захотел бы следить по нашей литературе за тем, что происходит в нашей жизни, тот знал бы один, да и то самый ничтожный из 1000 фактов, о которых будет говорить история, да и этот факт показывает литература вам в искаженном виде».

Тень произнесла торжественным голосом: «Это напечатано в XII кн. «Современника» за 1857 г. в «Современном обозрении» на стр. 305—308, passim⁵⁴. Твое открытие запоздало с лишком пятью годами».

Тень исчезла, оставив по себе запах прелой бумаги.

Что ж такое? — подумал я про себя. — Из этого можно вывести новое открытие, которое будет удачней.

[Восьмое] открытие, — самое окончательное.

В пять лет литература наша не подвинулась ни на один шаг; а так как литература служит отражением жизни, то значит, что ни на один шаг не подвинулась и наша жизнь.

Но едва мелькнула эта мысль в моей голове, как застыла кровь в моих жилах от ужаса: что скажет о таком бездушном скептицизме пламенный г. Громека! Да еще хорошо бы, если бы вознегодовал только г. Громека! Есть публицист несравненно более знаменитый и гораздо более пылкий, который так и крикнет: «very dangerous!», и назовет меня «окаменелым титулярным советником» или «ископаемым кандидатом»⁵⁵.

В самом деле, какая безрассудная забывчивость бездушного скептицизма! как мог я забыть, что в эти пять лет совершенно освобождение крестьян!

Другой на моем месте окончательно растерялся бы, будучи уличен в том, что не заметил такого факта. Но человеку, имеющему *idée fixe*, каков я, все нипочем: с ним что ни случись, он все гнет к пункту своего помешательства; всякий факт, всякое слово обращается для него только в средство к удовлетворению его неразумной страсти. Так, г. Майков на все смотрит, как на предлог для написания пышных стихов: едет кто-нибудь в коляске, — он сейчас напишет стихи в честь проезжему; объявят рекрутский набор, — он напишет стихи в честь рекрутского набора⁵⁶; полагаю, что если бы случилось землетрясение (от которого спаси нас бог! но опять-таки: все мы под богом ходим), — он написал бы стихи в честь землетрясения. Так вот и я: мне что ни попадись на глаза, о чем ни подумай я, все обращается в повод искать открытий. Как только подвернулась мне мысль об освобождении крестьян, так вот и подмывает сделать какое-нибудь открытие по этому вопросу. И что же вы думаете? Ведь не замедлил сделать открытие. Но важность его требует отдельной статьи с особым заглавием⁵⁷.

МАГИСТР Н. ДЕ-БЕЗОБРАЗОВ — ПСЕВДОНИМ!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ!

(Посвящается немецкому философу Фихте
и русскому библиографу М. Н. Лонгинову.)

Благородная Россия с глубоким сочувствием читала изданную некогда за границею брошюру, в которой предлагался очень легкий способ совершить начинавшееся тогда дело освобождения крепостных крестьян. По мнению брошюры, не нужно было изменять

никаких действительных отношений, — достаточно было заменить название «крепостных крестьян» именем «крестьян, поселенных на помещичьих землях», и затем уже более ничего не требовалось: барщина, оброк, вотчинная власть оставались бы в прежнем виде, а крестьяне все-таки могли бы называться освобожденными и были бы совершенно довольны.

Столь остроумное содержание брошюры заставило всех разузнавать о ее авторе, который подписался именем магистра Н. Безобразова. Оказалось, что магистр такого имени действительно существует; нашлись люди, утверждавшие, что они знакомы с ним; через несколько времени многие жители Петербурга встречались с ним в обществе или видели его на улице; потом такие же факты повторялись в Москве. Словом сказать, подлинность существования г. Николая Безобразова являлась непоколебимо подтвержденною свидетельством внешних чувств¹.

Но просвещенный читатель знает, что знаменитейшие философы отвергали достоверность показаний наших внешних чувств. С особенною убедительностью изложено это так называемое идеалистическое учение немецким мыслителем Фихте. Исходя от положения

$$Я = Я,$$

то есть в применении к индивидуальному случаю, нас занимающему:

г. магистр Н. Безобразов есть г. магистр Н. Безобразов,

Фихте рядом неопровержимых логических выводов доказывает, что

$$Я = \text{не } Я,$$

то есть в применении к тому же индивидууму:

г. магистр Н. Безобразов есть не г. магистр Н. Безобразов, а некто другой.

Рождался вопрос: кто же этот некто другой, который тождествен с г. магистром Н. Безобразовым?

Долго все исследования оставались напрасны. Сначала повели розыски философским путем; но г. Страхов успел только доказать (в статье о жителях планет, «Время», 1861 г., № 1)², что на луне есть существа, по физиологическому строению очень близкие к г. магистру Н. Безобразову; но действительно ли кто-либо из них есть подлинный вышеупомянутый магистр, этого не мог решить г. Страхов.

Философия сделала свое дело: разрушила заблуждение, возбуждала к исследованию истины, показала ее в общем, неопределенном очертании; но до реальной истины довести не могла. Убедившись в необходимости прибегнуть к помощи опытных наук, прежде всего поручили разъяснение вопроса нашим знаменитым историкам. Г. Чичерин [обнаружив в себе свойства Мономаха,]³

не мог разъяснить ничего, потому что сам оказался относящимся к временам хазарским и половецким⁴, далее которых ничего не в состоянии видеть, а вопрос о брошюре и ее авторе принадлежит второй половине XIX столетия. Итак, оставались г. Костомаров и г. Соловьев. Они разошлись между собою во взглядах на предмет.

Г-н Костомаров доказывал, что люди, имеющие образ мыслей г. магистра Н. Безобразова, называются в летописях наших варягами. Этого никто не мог оспорить. Но далее следовал вопрос: какой же варяг г. Н. Безобразов? Г. Костомаров, находя в литовском лексиконе Нессельмана слова: *sin*, предлог без; *eus*, существ. женск. рода = *рожа, лицо, образ*, — принимал г. магистра Н. Безобразова за Синеуса*. Но г. Соловьев принимает имя «магистр Н. Безобразов» не более как прозванием Иоанна IV Грозного, основываясь на словах летописца: «царь же Иванъ (IV) образомъ бѣ нелѣпъ», — действительно, «образомъ бѣ нелѣпъ» и «Безобразов» — одно и то же⁵.

Против той и другой догадки были важные возражения: о Синеусе летопись не упоминает, чтобы он печатал какие-либо брошюры за границею, следовательно, надобно еще доказать этот факт какими-нибудь другими данными; что же касается мнения г. Соловьева, то при всем своем остроумии оно совершенно неосновательно: мы положительно знаем, что при Иоанне IV Васильевиче в России знали только одного магистра**, и, следовательно, в имени г. магистра Н. Безобразова не могла бы явиться приставка «магистр», если бы под этим именем разумелся Иван IV Грозный.

Видя, что история только запутывает дело, мы прибегли к библиографии, стали рыться в журналах, в газетах, и скоро блеснул нам луч истины. В 7-м номере газеты «День» мы нашли статью «Уставная грамота»⁶ — статью, с которой стоит познакомиться поближе. Написана она в форме разговора между каким-то «князем»*** и «Тверитиновым». «Князь» затрудняется составлением уставной грамоты, потому что «крестьяне не поддаются на его предложения», хотя он «не употребляет во зло своей власти» (читатель вспомнит, что летописец также не винит Синеуса ни в каких злоупотреблениях власти. Догадка о Синеусе сильно подтверждается). Тверитинов говорит: если крестьяне не хотят подписывать уставную грамоту, то можно обойтись и без их согласия. — Так вот что-с, г. Тверитинов: можно обходиться и без согласия крестьян, по-вашему-то? Замечаем, замечаем, ушко-то чье выглядывает из-под вашей маски, г. Тверитинов. А ведь под маскою

* *Sin-eus* — Синеус, Безобразов. Действительно, сходство поразительно.

** Именно, великого магистра Ливонского ордена.

*** Просвещенный читатель помнит, что Синеус был князь; догадка г. Костомарова приобретает новую, довольно твердую опору.

Тверитинова скрывается автор статьи, — так все газеты и журналы объявили *.

Кому-нибудь другому было бы извинительно говорить такие вещи; но г. Тверитинов не убаюкивает себя объяснениями, заимствуемыми из второстепенных, побочных обстоятельств: из безграмотности, из невежества, из боязни письменных документов и т. п. — из вещей, которыми обыкновенно довольствуются при рассуждениях о несогласии крестьян подписывать уставные грамоты; г. Тверитинов смотрит, по прекрасному правилу Кузьмы Пруtkова, «в корень». Корень оказывается очень толстый и крепкий. Вот подлинные слова Тверитинова. На замечание князя (Синеуса?), что «сколько он ни толковал крестьянам, они попрежнему ни на что не соглашаются», г. Д. Самарин устами Тверитинова отвечает:

«Тверитинов. Да, об этом несогласии слышно со всех сторон: но именно потому, что это явление общее во всей России, полезно бы вникнуть в причину этого глухого, пассивного... несогласия. Ведь вам известно, что крестьяне под волею понимают: освобождение их от барщины и от оброка».

На важность последних слов напирает сам г. Самарин, печатая их особенным шрифтом. Вопрос в такой откровенной постановке должен бы казаться очень затруднителен для господ, подобных Тверитинову, желающему, чтобы князь продолжал получать с крестьян прежний доход. В самом деле, как сделать, чтобы люди, не желающие платить, стали платить с удовольствием? Но для такого умного человека, как автор статьи, г. Д. Самарин, ничего не стоит разрешить задачу как нельзя лучше. Тверитинов говорит:

«По моему мнению, желательно было бы, чтобы повинности, оставаясь в том же размере, перестав быть повинностями за пользование землею, вносились не помещику, а в казну, как подать, и вместе с податью; а помещика вознаградите из казны ежегодною рентою. Тогда вопрос решится весьма легко: нужно, чтобы оброк, платимый крестьянами, проходя через казну, как бы изменился в самом принципе своем, хотя на самом деле изменения в размере никакого нет».

Ура! ура! Искомое найдено, совершено мною открытие, над которым напрасно ломали голову г. Страхов, г. Костомаров и г. Соловьев: подлинный г. магистр Н. Безобразов найден! Да это

* Друзья автора закричат: «Клевета! г. Д. Самарин никогда не мог предложить, чтобы устройство крестьянского быта совершалось без согласия крестьян!» Нет-с, извините: г. Д. Самарин прямо говорит это. Вот подлинные слова:

«Князь. Они (крестьяне) не соглашаются подписать уставной грамоты.

Тверитинов. Мне кажется, что и незачем этого слишком добиваться.

Князь. Я с вами согласен, что можно обойтись и без их подписи».

Тверитинов не отвечает, что князь неправильно понял его мнение,

он, г. Д. Самарин. Абсолютное тожество этих двух имен очевидно.

В самом деле: разницы между ними нет никакой.

Г-н магистр Н. Безобразов говорил: недовольство мужиков крепостным правом весьма легко устранить одною переменою имени: надобно только переименовать крепостных в поселенных на помещичьих землях, оставив их отношения к помещику в прежнем виде; вот и будет исчерпан весь вопрос о крепостном праве.

Г-н Д. Самарин говорит: недовольство мужиков оброком весьма легко устранить одною переменою имен: надобно только переименовать оброк в подать, оставив его в прежнем размере; вот и будет исчерпан весь вопрос об оброке.

Не было на земле двух Аристотелей; не может быть в России двух людей, способных к изобретению таких гениальных решений. Никто, кроме Ньютона, не мог открыть закон всеобщего тяготения; никто, кроме г. Д. Самарина, не мог изобрести мысль, высказанную в брошюре г. магистра Н. Безобразова.

Какое торжество моей проницательности! какое торжество и для философии! Аналитическим методом, путем многотрудного опытного исследования, подтверждена безусловная истина двух основных формул философии Фихте:

$$Я = Я,$$

то есть г. магистр Н. Безобразов есть г. магистр Н. Безобразов, и

$$Я = \text{не Я},$$

то есть г. магистр Н. Безобразов есть не г. магистр Н. Безобразов, а есть г. Д. Самарин.

Предлагаю дать достойные награды всем активным и пассивным участникам этого великого события:

1) Награда немецкому философу Фихте. Предлагаю постановить, чтобы ему, а по воспоследовавшей его смерти его законным наследникам, получать от г. Д. Самарина оброк под именем подати.

2) Награда мне. Подносится в подарок полное собрание сочинений г. магистра Николая Безобразова (г. Д. Самарина тож), переплетенных в одну книгу, с изображением на переплете оной книги двойного портрета, золотым тиснением: г. Д. Самарин, изображенный в виде г. магистра Николая Безобразова, и г. магистр Н. Безобразов, изображенный в виде г. Д. Самарина.

3) Г-ну Д. Самарину. Переименовать его в магистра Николая Безобразова.

4) Г-ну магистру Николаю Безобразову. Переименовать его в г-на Д. Самарина.

Возгордившись таким великим открытием, как абсолютное тожество г. Д. Самарина и г. магистра Николая Безобразова, я отдыхаю на лаврах, услаждаясь созерцанием дивной мысли г. Д. Самарина, и ее величие растет, растет в моих глазах:

«Оставаясь в том же размере, оброк изменяется в самом принципе своем, хотя на самом деле изменения в размере никакого нет!»

«Оставаясь в том же размере, оброк изменяется в самом принципе своем, хотя на самом деле изменения в размере никакого нет!»

«Оставаясь в том же размере, оброк изменяется в самом принципе своем, хотя на самом деле изменения в размере никакого нет!»

Ну, наконец-таки удалось мне сделать открытие, которого никто у меня не предвосхитил и не предвосхитит.

Г-н магистр Николай Безобразов есть псевдоним г-на Д. Самарина.

Слава мне! Преклоняйте предо мною колена, изумленные соотечественники!

Но тот, кто долго был злополучен, становится недоверчив, мнителен; а как проникло в душу сомнение — уже нет возможности безмятежного наслаждения блаженством, и счастье исчезает. Так было и со мною. «Но действительно ли достоин я того, чтобы преклонялись предо мною соотечественники? — стал думать я не дальше, как через полчаса. — Точно ли сделал я открытие?» От сомнения до отрицания один шаг. Сам г. Д. Самарин еще требует нового исследования. Другое дело, если бы отыскал я под псевдонимом г. магистра Николая Безобразова какое-нибудь знаменитое подлинное лицо — например, г. И. Аксакова, — тогда дело было бы кончено. Конечно, я могу сделать эту догадку: г. И. Аксаков — редактор газеты, в которой помещена статья, подписанная именем «Д. Самарин». Аргумент сильный. Но, с другой стороны, несомненно, что г. И. Аксаков тождествен не со всеми лицами, именами которых подписаны статьи его газеты, следовательно, полного доказательства для моей догадки еще нет. Я доказал только тожество г. магистра Николая Безобразова с г. Самариним. Но кто такой сам г. Д. Самарин? Быть может, он также псевдоним? — это даже несомненно по принципу Фихте, нами принятому. Станем же продолжать исследование.

По формуле

$$Я = \text{не Я}$$

очевидно, что

Г-н Д. Самарин не есть г-н Д. Самарин, а есть некто другой.

Нам должно узнать, что за человек этот некто. Но чтобы узнать этот предмет, должно анализировать его отличительные свойства. Станем анализировать свойства лица, скрывающегося под псевдонимом г. Д. Самарина.

Первое свойство. Г-н Д. Самарин говорит, что думает о благе народа.

Второе свойство. Г-н Д. Самарин во всем соглашается с понятиями князя (Синеуса?) и хлопочет о сохранении его интересов.

Свойство третье. Он толкует об устройстве крестьянского дела только потому, что князь находится в затруднительном положении.

Соединив эти три свойства, мы получаем четвертое качество: польза народа служит г. Д. Самарину только прикрытием хлопот о пользе князя. Из этого легко открывается:

Пятое свойство. Интерес крестьян он приносит в жертву выгодам князя.

Вот пять отличительных признаков, по которым должен быть узнан «некто», скрывающийся под псевдонимом г. «Д. Самарина». В ком найдутся эти признаки, тот и есть искомый нами «некто».

Боже мой, что я наделал над собою! Я отнял у себя всякую возможность определенно указать на одно какое-либо лицо, как на имеющее исключительные права быть узнану под псевдонимом г. Д. Самарина. Десятки, сотни, тысячи людей, толкующих и хлопочущих об устройстве крестьянского дела, представляются мне, и, за исключением двух, трех между ними, все остальные обнаруживают свойства, соответствующие псевдониму г. Д. Самарина. Что ж я за несчастливцев после этого: можно ли назвать раскрытием псевдонима, когда находишь, что он принадлежит не одному человеку, а тысячам людей?..⁷